

Узнала. Не окликнула, но вслед
не отводила пристального взгляда...
Когда нам было восемнадцать лет,
не разумели, сколько силы надо—
преодолеть ступеньки на крыльце,
пересчитать, на каждой отдыхая
с нарочной отрешённостью в лице.
Вторая, третья... Пятая... Седьмая...
Безропотно промедлить у дверей,
чтоб совладать артритными руками
со связкой ускользящих ключей.
Кивнуть соседке сердобольной: «Сами—
благодарю—мы справились уже!»
Да и не стоит думать в восемнадцать,
что всей судьбы закрученный сюжет
так заурядно должен завершаться.
Ведь время не умеет без затей—
за годом год короче и короче.
Напротив, дни становятся длинней,
отодвигая неизбежность ночи.
Какой бы свет ни продолжал светить,
какие бы ни пощадили беды,
а нам с тобой—до вечера дожить,
как выстоять в сраженьё до победы.

Приобнял на прощанье Светочку,
на крыльчке помедлил миг
и поглубже надвинул кепочку,
приподнял воротник.

Прости, Господи, душу грешную!
Огонёчек в окне погас.
Канул мир в темноту кромешную,
ночка—выколи глаз.

Узкой улочкой—ветер стонущий.
В переулочек повернёшь,
отзываясь на крик о помощи,
и наткнёшься на нож...

В тишине надломилась веточка.
Неподвижны глаза его.
Вся в слезах вдруг проснулась Светочка
не пойми отчего.

Одиночки, вдовы, разведёнки—
не для кого нам варить борщи—
всё же работающие бабёнки.
Матушка Россия, не взыщи!
Хочется экзотики и лета.
На дела махну в сердцах рукой
и куплю билетик до Пхукета—
отдохнуть и телом, и душой.
Ластится к ногам волна морская.
Жаром пышет синий окоём.
Не скучай, подруга дорогая!
Беззаботней рая не найдём.
Тут вокруг экзотики, как прорвы,
но похмельной помню головой,
что надясь налоговый суровый
осерчал на скромный бизнес мой.
Мудрый Будда глянет, не мигая:
мол, томленье духа и ума.
За иллюминатором до края—
снежная сибирская зима...
Шубку-разлетаечку на плечи—
и пройду с улыбкой на устах.
Не зевай, красавчик королевич,
с нашего района олигарх!

Обрывается скерцо—
дребезжит смычок.
Кто-то строгий окликнет.
Кто-то злой—молчок.
Сокрушённого сердца
как споткнётся стук.
Искушение вспыхнет—
обречённость рук,
будто крылья, раскинуть,
обнимая ночь,
и с обрыва на волю...
Зная, что невмочь
своевольно покинуть
тягостей юдоль,
между бездной и болью
выбираешь боль.

Последняя зима

Но старость—это Рим...

Борис Пастернак

Уже известно— как. И скоро
забрешит явственно— когда.
И нет пощады для актёра.
И нет для истины стыда.
По незатоптанному снегу
ещё утрами бродит он.
Как весело спугнуть с разбегу
клан переделкинских ворон!
Но грянут из-за края бора
к заутрене колокола,
напоминая: скоро, скоро,
но не сейчас,— и не ушла
сестра любимая из дома...
В натопленный вернётся дом,
где возле сытой печки дрёма
свернулась ласковым клубком.
Скрипят музейные ступени.
Одышка... И клубятся вслед
неуспокоенные тени
не забывающихся лет.
Нахлынет вдруг испугом страстным
из самой тайной глубины,
что телефон акцентом властным
раздавит горло тишины
опальной. Ни к чему награда
и почести в такой глуши
заснеженной. Как плотноядно
отточены карандаши!
Так и живёт. Сегодня вторник.
А разыграется метель—
над письмами сидит покорно,
в дань славе или суете.
И, сладко предвкушая среду,
воспринимает будто месть,
что посетители к обеду
должны явиться. Так и есть.

Бродяга

Вспыхнул рассвет за рекою.
Кину пожитки в котомку!
Пригород следом за мною
катится с горки на горку.
Солнце играет на стёклах.
Ветер вздыхает нерезкий.
Плещут в распахнутых окнах
ситцевые занавески.
От посторонних и странных
скрытая в недрах окошка,
дремлет в подушках диванных
злая трёхцветная кошка.
Улочки утречко нянчит.
Жмурясь спросонья, суббота
слышит, как женщина плачет
и попрекает кого-то.
Мукой исходит сердечной,
рот искривив некрасиво.
Кто ж ты— безумец беспечный,
неблагодарный, счастливый?
Знаешь, я тоже когда-то,
страстным упрёкам внимая,
взгляд отводил виновато.
Ныне по мне никакая
не проливает обильно
слёзоньки временем ранним...
На подоконнике пыльном
отполыхали герани.